

Нина Релина

Нина Валериановна Релина родилась в городе Реж Свердловской области в 1922 году. С золотым аттестатом закончила школу, училась в Свердловском горном институте. В 1941 году добровольно пошла в армию. Радист первого класса 87-го отдельного полка связи войск ПВО. Прошла дорогами войны от Москвы до Вильнюса.

После войны — профессиональный журналист. Работала в газетах в Свердловске, Реже, Кызыле, Минусинске, Уссурийске, Владивостоке, Благовещенске. Была делегатом первого Всесоюзного съезда журналистов (1959). Она автор четырёх сборников стихов и сборника песен. Печаталась в альманахе «Приамурье», в сборниках «Над Амуром и Зеей» и «Мой город», в коллективных сборниках стихов и песен уральских авторов. Лауреат Всероссийского Лермонтовского конкурса военно-патриотической поэзии «Люблю Отчизну я» (2005), удостоена третьей премии в поэтическом конкурсе журнала «Ветеран войны» (Москва, 2000).

Н. В. Релина — Почётный гражданин Благовещенска. Внесена в энциклопедию «Лучшие люди России» (Москва, 2005), в книгу «Благовещенская городская Дума» из серии «Благовещенск: из века в век». Она автор текста Гимна города Благовещенска.

Воспоминания. Стихи

Молодость военная моя

(Записная книжка № 24)

Эта записная книжка — особенная. Она, как спутник геолога, могла бы находиться всегда под рукой, когда он работает «в поле». Я начала заполнять её, будучи студенткой Свердловского горного института. Она и на войну пошла вместе со мной. На её первой развёрнутой странице — таблица химических элементов Д. И. Менделеева. Написана чётко, аккуратно. В этом отношении у меня со школьных лет был полный порядок: и лекции, и свои записи делала разборчиво, красиво, выделяя цветным карандашом главные мысли. Вот и здесь, в небольшом блокноте, периодическая система химических элементов размещена так, что ею можно пользоваться в любой обстановке.

Далее в блокноте идут таблицы, которые помогают определить минерал даже в полевых условиях. Вот «Шкала твёрдости по Моосу». Самый мягкий, с твёрдостью «единица», — тальк. Самый твёрдый, конечно, алмаз —

он десятый, самый последний в таблице. Тут же записано, что твёрдость — способность минерала сопротивляться внедрению в него остря. В полевых условиях твёрдость найденного минерала можно определить, например, с помощью ногтя — по шкале Мооса это будет примерно «2», что равно твёрдости гипса. А перочинный ножик, который всегда есть с собой у геолога, даст твёрдость примерно «5» — это равнозначно апатиту или стеклу. Если лезвие ножика оставляет царапину на образце минерала, значит, твёрдость минерала — менее пяти.

На следующей странице — определение минерала по блеску, по прозрачности, по спайности, по излому, по сцеплению. Далее идёт специальная шкала плавкости минералов. Одни минералы плавятся уже в пламени свечи, другие и в пламени паяльной лампы не оплавляются. Это можно тоже определить в полевых условиях.

В блокноте перечислен список минералов пегматитовых жил, а также жил, образованных из горячих водных источников. Здесь же рисунки — схема строения земной коры по Ферсману, схема «Последовательность выделения минералов в граните», «Диаграмма преломления полевого шпата и кварца», чертёж «Идеальный разрез через земную кору в области гранитных масс и связанных с ними геохимических процессов». Ещё — таблицы определения минералов по реакции на угле, по окрашиванию пламени или по испытаниям в открытой и закрытой стеклянных трубках...

Перелистывая эти странички записной книжки, я мысленно возвращаюсь в стены своего института, в кабинет минералогии, который находился в здании Свердловского минералогического музея.

Из всех институтских дисциплин мне больше всего нравилась минералогия. Занятия по этому предмету вёл знаменитейший «Ка Ка Матвеев» — так мы между собой звали профессора, заведующего кафедрой минералогии нашего института Константина Константиновича Матвеева. Он доктор геолого-минералогических наук. Ещё до революции (он родился в 1875 году) Матвеев был членом комиссии сырья при Комитете военной технической помощи в Петрограде и учёным секретарём Радиевой комиссии Академии наук, в 1919 году — председателем комиссии по охране научных, культурных и художественных ценностей в Екатеринбурге, организатором и первым председателем Уральского отделения Всесоюзного минералогического общества, руководителем рабочей комиссии при облплане по проблемам самоцветного дела, камнерезной и гранильной промышленности. Он автор термина «самоцветная полоса Урала», основатель Уральского геологического музея, в здании которого и проходили наши практические занятия по минералогии.

Когда мы только начали изучать этот предмет, старшекурсники нам говорили: «У Матвеева тройку получить — это великое дело». А я полюбила предмет и, вопреки разговорам, не боялась этого высокого, худощавого, всегда скромно одетого профессора.

...В классе — множество деревянных ящичков, наполненных образцами минералов. На занятиях мы должны определить и описать эти обезличенные

«камни». Вот тут мы и пользуемся всякими таблицами и практически проверяем образцы и на твёрдость, и на плавкость, и на различные химические реакции. И как доволен бывает наш профессор, когда в результате множества экспериментов студент правильно определяет то, что было безымянным «камнем». Мне до того нравилось исследование образцов и определение, из чего они состоят, что я и не заметила, как стала одной из лучших студентов нашей группы. Только мне и Николаю Максаеву профессор поручал самые сложные задания. И за наш труд оценки у нас были только «отлично».

Помню, на одном из занятий профессор дал мне маленький, с ноготь большого пальца, комочек серовато-синего цвета. Я стала экспериментировать над ним. Конечно, прежде всего — цвет, твёрдость, блеск, плавкость, сцепление, излом, потом разные химические реакции. Я до того увлеклась, что не заметила, как использовала в реактиве последний кусочек образца. Картина у меня уже вырисовалась, приблизительно я определила, что это такое, и пошла к профессору:

— Константин Константинович, я думаю, что это вот такой-то минерал. Формула его такая-то. Но мне надо сделать ещё одну реакцию для проверки. А образец ваш я весь израсходовала...

Профессор хитровато улыбнулся и дал мне ещё один крохотный кусочек. Я правильно определила, что это такое. А Константин Константинович даже объявил всей группе, какой «подвиг» я совершила. Кстати, перед экзаменом по минералогии он меня одну из группы наградил... отпечатанной на машинке Программой по минералогии. Для подготовки к экзаменам она была хорошим помощником. Между собой мы, конечно, посмеялись над «наградой», но, тем не менее, получить из рук самого Матвеева — это что-то значит.

А экзамен у него проходил так. Берёт он из ящика какой-нибудь образец — а ты «прочитай» его: какие минералы входят в него, их химическая формула, где и в каких соединениях встречается, какова его полезность. И так — не один, а несколько образцов. И отличная оценка, поставленная в моей зачётке по его предмету, — это дорогая память о минералогии, институте и нашем необыкновенном профессоре Матвееве.

Вот какая странность: блокнот с институтскими записями был у меня в солдатском вещмешке все четыре года войны, и вслед за этими записями стоит дата: «9 мая 1945 года». Почему я все годы войны писала на каких-то обрывках, от руки сделанных блокнотах, а этот не трогала? Не знаю. Наверное, потому что думала продолжать в нём записывать то, что нужно будет для профессии геолога. Увы! В блокнот вошли другие записи. Я как геолог не состоялась.

Итак, эта запись от 9 мая 1945 года.

Ещё днём 8 мая лётчики соседнего полка дальних бомбардировщиков (наш 87-й отдельный полк связи войск ПВО находится под Вильнюсом) сказали нам, что война уже кончилась. Мы сами понимали, что считанные часы остаются до того момента, когда прогремят последние выстрелы войны. Но сообщения, которого ждала вся страна, весь мир, не было. Хотя алое знамя над поверженным рейхстагом уже развевалось. Об этом сообщили и радио, и газеты. Но бои ещё шли.

В 21.00 восьмого мая 1945 года наша смена, как обычно, приняла дежурство на радиостанции. Наш полк расположен в нескольких километрах от Вильнюса, возле Минского шоссе. Радиостанция — в кирпичном здании.

Начальник предыдущей смены доложил, с какими корреспондентами связь нормальная, с какими — перебои, сколько принято и передано радиограмм, в порядке ли приёмники.

Я работаю на главном направлении — держу связь с Москвой, со штабом ПВО страны и со Ставкой Верховного главнокомандующего. У моего приёмника лежит стопка свежих радиограмм. Их надо передавать. Несколько минут жду, когда моя предшественница закончит передачу. С головы на голову надеваю наушники.

«ЩСЛ» — передаёт Москва. Значит, радиограмма принята. Записываю в журнал отметку о приёме. Кладу правую руку на телеграфный ключ, а левой проверяю на приёмнике установку волны. И начинается напряжённая, рассчитанная на минуты и секунды работа радиста. Передача и приём, передача и приём. Из Москвы идут радиограммы «воздух». Они должны приниматься и передаваться вне всякой очереди. Работа идёт чётко, напряжённо. Лишь к полуночи поток несколько стихает. А потом снова одну за другой Москва стала передавать «воздух».левой рукой отстраиваюсь от помех, правой записываю очередную радиограмму. И вдруг из приёмника где-то по соседству раздаётся голос Левитана. Фашистская Германия капитулировала! Даю корреспонденту «АС» — подожди, подожди. Хочу прослушать сообщение, а он: «Принимай, воздух». Да, тут уж ничего не поделаешь, принимаю. Жду, когда он закончит передачу. Даю открытым текстом: «ОМ, Победа!» («ОМ» — дорогой товарищ). Сбрасываю наушники. Слушаю. Боже мой! Мы кричали, целовались, топали ногами. Подняли всё подразделение. Последние полчаса дежурства на радиостанции сидели как на иголках.

Сменились. Галка Хохлова тащит баян. Поём, пляшем. На улице раздаются выстрелы. Все палят в небо. Ну разве можно описать тот восторг, ту радость, которая вырывалась из каждого сердца! Вся наша комната содрогнулась от мощного «ура» нашему Сталину. Портрет его висел у нас на стенке. Я встала на тумбочку, дотянулась до портрета и поцеловала дорогое всем, любимое лицо. Мы разбудили нашего командира роты, стали его качать и... опустили руки. Да простят нас. Он заслужил это. А у нас не было других способов «отомстить» ему.

Ликуем, радуемся, что война наконец закончилась. А мозг мой сверлит одна и та же мысль: а Мишки уже нет!..

За неделю до Дня Победы, второго мая, я получила письмо от его друзей. Сгорел в танке под Гдыней. Останки его захоронены там же — так мне написали его однополчане уже из Берлина. Он не дошёл совсем немного. И он уже никогда не увидит ликующего Дня Победы. Наступил рассвет первого мирного дня, а я не сплю. Мысли несутся туда, на побережье Балтийского моря, где был его последний бой. Письма Мишки (их 120) лежат в моём вещмешке. И это, последнее, которое он писал перед

боем. Его я читала с неясной тревогой. И написано оно словно с каким-то нехорошим предчувствием.

«Здравствуй, милая Нинка! С приветом Михаил. Нина, только что получил два твоих письма и спешу ответить. Нина, пишу перед боем. Утром вступаем. Писать много некогда, уже оделся и всё остальное. Подогреваются машины. Только смотрел твоё фото. Нина, Нина, немного подробнее напиши, где ты едешь и куда. Место. Эх, Нинка, как бы хотелось перед боем поговорить с тобой и больше того — поцеловать. Ну что ж, придётся довольствоваться тем, что пишу письмо. Ну, впрочем, буду жив — ещё поговорим. Только прошу, чаще пиши. Очевидно, события обгонят моё письмо. Настроение бодрое, здоровье хорошее. Немножко волнуюсь. Не потому что боюсь или что, а скорее бы в атаку. Часы ожидания мучительны. Идём вглубь Германии. Ну, дорогая, у меня всё. Иду с твоей чистой любовью. Очень крепко целую. Михаил. 8.1.45 г.»

Спустя годы по последнему письму Мишки я написала стихи-песню.

ИДУ С ТВОЕЙ ЧИСТОЙ ЛЮБОВЬЮ

Как тягостны минуты ожидания,
Когда сигнал ракеты красной ждёшь.
Как молнией на миг черкнёт сознание,
Что из атаки этой не придёшь.
И может, вот за тем пригорком где-то
Машину ждёт последний разворот.
Ракета брызнула кровавым светом,
И всё слилось в один бросок: вперёд!

Стальные моторы натужно гудят,
И только минуты — до боя.
Родная моя, дорогая моя,
Иду с твоей чистой любовью.

От западной границы до столицы
Я шёл. А враг мне целился в висок.
На гусеницы танка, как на спицы,
Наматывал родной земли песок.
Я брата схоронил в могиле братской,
В глазницы смерти много раз глядел,
Но не страшился участи солдатской.
Нет, я не тлел, я факелом горел.

Стальные моторы натужно гудят,
И только минуты — до боя.
Родная моя, дорогая моя,
Иду с твоей чистой любовью.

А на дворе весенние капли,
Сосульки под карнизами висят.
А тут разрывы мин и свист шрапнели.
И надо нам пройти сквозь этот ад.

На карточку твою смотрю я снова.
Я знаю, ты должна меня понять.
Как хочется сказать тебе хоть слово,
Ещё сильнее — тебя поцеловать.

Стальные моторы натужно гудят,
И только минуты до боя.
Родная моя, дорогая моя,
Иду с твоей чистой любовью.

Да, он мог быть уверен: моя любовь к нему была чистой, незапятнанной. Нам не довелось встретиться. Но я хранила ему верность, как и верность Родине, которой присягала в июле сорок первого года. Да, встречались на моих военных дорогах парни, которые нравились. Но я всегда помнила, что у меня есть друг, ради которого я должна хранить свою чистоту. Вот и Николай, авиатор. Он рядом, живой, невредимый. Он мне нравится. Мы можем с ним встречаться. Но ни при каких обстоятельствах я не перешагну ту грань, которая позволит предать Мишку, чистоту его чувств.

Я думаю об этом в предутренние часы последней военной ночи и говорю себе: я делала правильно, моя совесть чиста.

...Утром девятого мая возле домов, где мы были расквартированы, собрали митинг. Говорил майор Янгузов, потом капитан Бузган — любимый наш командир. Он так хорошо говорил! Слова проникали в самую глубину сердца. Говорила Павлюченко — зам командира батальона по политчасти. Как всегда, с теплотой и женской чувствительностью. Командир роты своим корявым выступлением только испортил всё, да и то — слушали и его: ведь такой день!

В душе у меня, в голове всё трепещет, всё кипит, рвётся наружу. Ещё когда начал говорить наш комбат Бузган, я решила, что надо выступить, сказать что-то. А что? Мысли обгоняли одна другую, крутились в водовороте бесконечной радости и никак не складывались во что-нибудь определённое. Павлюченко шепнула мне, что дадут слово после командира роты. Но что сказать? Что сказать этим людям, с которыми жили, служили, работали почти четыре года? Всё-таки я собираюсь с духом:

— Милые девушки! Сегодня такой замечательный день, которого мы ждали почти четыре года. Сегодня хочется сказать вам многое, ведь с большинством из вас мы вместе пришли в армию, вместе учились в Свердловске, вместе приехали в Москву. Бойцы на передовой — с винтовкой, с автоматом, в танке, в самолёте. А мы прошли через всю войну с ключом и наушниками и внесли свой вклад в дело Победы. Когда шла битва под Москвой, мы держали

связь с войсками, оборонявшими столицу, принимали радиogramмы о налётах вражеской авиации, передавали приказы командования войскам. Когда шли бои за Сталинград, мы держали связь со Сталинградом, а потом с Грозным. И всегда мы справлялись со своими задачами. Связь с Вологдой и Тбилиси ушла в область преданий. Мы работаем уже с немецкими городами, где сражаются наши воины. Мы жили дружным, сплочённым коллективом. И часто вот посмотришь на военных — и всегда подумаешь, что наши девушки и красивее, и умнее, что наши мальчишки, наши друзья по работе, лучше других, надёжнее и вернее. Конечно, это не бахвальство, а гордость за своих сослуживцев, однополчан. Скоро мы разъедемся по домам. Но каждый раз, празднуя этот день, мы будем вспоминать день девятого мая сорок пятого года, вспоминать наш коллектив, наш полк...

Я говорила и видела, что на глазах девчат блестят слёзы, глаза ребят тоже влажны. Даже Дмитриев, этот всегда чёрствый, сухой человек, почему-то упорно смотрит мутным взглядом вверх, напрасно пытаюсь сдержать нахлынувшие на него чувства.

— Товарищи, — продолжала я, — мне хочется от всех нас сказать нашим лучшим командирам, что мы ведь их тоже любили. И большое им красноармейское спасибо! Так много радости, что даже невозможно найти слова, чтобы все чувства выразить. Вот мы сменились с радиостанции ночью и в домике кричали «ура!» нашему Сталину, а я не выдержала, поднялась на тумбочку и поцеловала его портрет... — Я смущённо улыбнулась, а все мои друзья дружно зааплодировали мне, и все вместе кричали: «Ура Сталину!»

Я не помню всего. Но говорят, что выступала я очень хорошо. Катя, моя подружка, со слезами на глазах бросилась ко мне и поцеловала. А Иван Лысенко спрашивал после у Вали Никоновой, как это я успела столько заучить, — наверное, у меня была заготовлена речь заранее.

Чудак, да разве такие слова можно заготовить заранее? Ведь у меня душа говорила. И слова были хорошие, потому что мысли в голове и сердце были хорошие.

А комбата Бузгана я даже поцеловала. Мы с Леной Сысолетиной поздравляли его. Он схватил нас в объятия и говорит: «Я вас обеих поцелую». И поцеловал меня в щёчку. А Ленка застеснялась (вот чудачка, это ведь просто благодарность и восторг старшего товарища). А потом мы стали целовать нашу «маму» Павлюченко. А Бузган стоит в стороне и смотрит на нас. Тогда я подбежала и поцеловала его в щёку. Он засмеялся и говорит, что теперь след останется надолго. Бузган — наш любимый командир. Он честный, правдивый, никогда не обидит человека зазря. Когда в сорок третьем нашему полку вручали боевое знамя, я написала стихотворение и посвятила его любимому командиру.

Митинг закрыли. А мне вдруг пришла в голову ещё одна мысль:

— Товарищи! Давайте крикнем «ура» нашей Красной Армии, — предложила я. И снова «ура!» троекратно загредело над нами. И сразу же Галка Хохлова растянула баян, и мы громко, с торжеством запели:

Над тобою шумят, как знамёна,
Двадцать семь героических лет.
Солнцем славных боёв озарённый,
Весь твой путь в наших песнях воспет.
Несокрушимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед,
Тебе, любимая, родная армия,
Шлёт наша Родина песню-привет.

А потом нас, любителей пения и участников полковой самодеятельности, попросили спеть ещё. И само собой получилось так, что мы спели почти все песни последнего концерта, с которым выступали в своём батальоне. Потом я прочитала тут же, на скорую руку переделанный стих, посвящённый Сталину. Зоя Вагузова пела «В лесу прифронтовом», пел наш «Бернес» — старший лейтенант Зимин. Я прочитала стихотворение «Наш путь», всем нам памятный путь войны, все вспомнили, что всё это было с нами.

Мы знаем все, что кончились бои.
Но нам ещё работу сделать нужно,
Чтобы задачи выполнить свои,
Возьмёмся все за дело смело, дружно.
Работу скоро будем завершать
И скажем мы в день славной годовщины,
Что, прежде чем до дому уезжать,
Мы установим связь с Берлином.

Никто и не предполагал, что так пройдёт этот митинг. Потом ещё мы танцевали. А с 15.00 заступили на очередное дежурство на радиостанции.

Да, скоро домой. А как будем плакать, расставаясь! Ведь все и радости, и печали были общими. И сон, и работа, и хлеб, и вода — всё вместе. Тяжело будет расставаться. И кто знает, что ждёт впереди? Ведь нужно самой вставать на дорогу жизни. А какой она будет? Боже мой! Как всё это сложно. Мне всё кажется, что должно быть какое-то чрезвычайное событие в моей жизни, которое всё перевернёт и мне укажет путь, по какому нужно идти. Но... ничего, вероятно, и не будет, и путь выбирать нужно самой.

Эта запись — от 11 мая 1945 года. Уже два дня мы живём в мирное время. Но всё так же — дежурства на радиостанции, наряды на кухню, в караул, занятия на ключе.

Нас демобилизовали в конце августа 1945 года.

Ф 963891

СОЛДАТ

Он час назад ходил в атаку,
И вот сидел и отдыхал,
И вспоминал родную хату,
А может, немца вспоминал,

Что, замахнувшись, в зверской злобе
Уже занёс над ним кинжал.
Но вот сидел он у дороги,
А немец где-то там... лежал.

И было много солнца, света.
Была весенняя пора.
Вдруг пронеслось, как шёпот ветра:
«Ребята, ранена сестра!»

Девчонка с косами льняными,
Она пришла два дня назад.
Откуда родом? Как ей имя? —
Не знал и не спросил солдат.

Не видел, как, земли касаясь,
За атакующими шла,
Как с тяжкой ношей, надрываясь,
Она назад к своим ползла.

И вот она на плащ-палатке.
Где были ноги — ком бинтов.
В росинках лоб девичий гладкий.
Глаза — синее васильков.

А косы длинные льняные
Почти касаются земли.
И голос тихий: «Дорогие,
Убейте, милые мои!»

Он час назад ходил в атаку.
Девчонку эту он не знал.
А тут, прижавшись к автомату,
Он, не стесняясь, зарыдал.

1970

НОЧНЫЕ ЛАСТОЧКИ

*Посвящается Нине Максимовне Распоповой,
Герою Советского Союза, и всем лётчицам
Таманского женского полка
ночных бомбардировщиков*

Глухая ночь. А вы опять летите.
Звучит команда и тебе: «На взлёт!»
А где-то там фашистский истребитель
Тебя, быть может, уж в засаде ждёт.

А может быть, немецкая зенитка
И луч прожектора ночную тишь взорвёт,
И ярко трассирующей ниткой
Прошьёт твой легкокрылый самолёт.

Но ты решенье смелое находишь,
Святую верность Родине храня,
И самолёт подраненный уводишь
Из-под свинцового смертельного огня.

«Ночные ласточки», подруги боевые,
Любили мы, равнялись мы на вас.
Прошли года. Вы — бабушки седые,
Но пыл души и ныне не угас.

2007

РАССКАЗ ФРОНТОВИЧКИ

Еду поездом скорым
Я с Востока в Москву
И люблюсь на горы,
Рек, озёр синеву.

Проплывают поляны,
Полустанки, мосты.
Лес весенне-дурманный,
Полевые цветы.

Как обычно в вагоне
Завели разговор:
Кто, кого, куда «гонит»
Через этот простор?

— Я — за «синим туманом».
— У меня — давний друг.

— Я — увидеться с мамой
После долгих разлук.

Средь признаний беспечных
Голос вдруг прозвучал:
— А я еду на встречу
Наших однополчан.

Это дама сказала.
Тихо села к окну,
А потом рассказала
Про себя, про войну.

Тут девица в ресницах
(В ресторане была),
Знать, решив «отличиться»,
(Вся апломб) — изрекла:

— А на фронте девчата —
Люди так говорят —
Офицерам, солдатам
Все...ну, это... подряд...

Ухмыльнулась ехидно,
Рот до самых ушей.
Сделать больно, как видно,
Удовольствие ей.

Дама в спор не вступала,
Посмотрела на нас
И спокойно сказала:
«Я продолжу рассказ.

Август. Год сорок пятый.
Эшелон фронтовой.
Отслужили солдаты.
На Москву — и домой.

...Едем. Станция Вязьма,
Вдрызг разбитый вокзал.
Мы надолго завязли.
Эшелон наш стоял.

Оставляем вагоны.
Разбрелись кто куда.
Бродим возле перрона,
А вокруг — темнота.

Морячок говорливый
Подошёл, расспросил.
Был он молод. Счастливый —
До Победы дожил.

Мы идём вдоль платформы.
Ни дерев, ни куста.
Остов дыбится чёрный —
Часть бывшего моста.

...Вдруг — удар... Я упала. А он — с пистолетом.
И злобно-звериное: «Живо, давай!»
А только вчера говорил про рассветы,
Как с мамой впервые испёк каравай,

Как в Волге купался с ребячьей ватагой,
Как с Волги с боями к Дунаю прошёл.
А вспомнив погибшего друга, заплакал,
Как к маме, ко мне он уткнулся в подол.

...Четыре тяжёлых, мучительных года
Прошла. Берегла свою девичью честь.
Ждала, что любимый вернётся с похода,
Сумеет меня оценить и беречь.

...А этот подонок стоит и звереет.
И глаз пистолета направлен на грудь.
А я даже слова промолвить не смею,
И страшно в глаза изуверу взглянуть.

Так хочется с мамой, отцом повидаться.
Увидеть сестрёнок и дом свой родной.
Неужто же надо насильнику сдаться?
Тогда, может быть, и оставит живой.

Ну, нет... Ни за что. Не сдаваться нахалу.
Придумать бы что-то, его обмануть.
Грубить? Не пойдёт. Надо просто сначала
Отвлечь его как-то, потом оттолкнуть.

«...Ну зачем же вот так, на камнях, под забором?
Ведь мы не скоты — на земле, под дождём?
Да и наш эшелон может двинуться скоро,
Так уж лучше в вагоне, чуть-чуть подождём».

Умоляла, просила. Может, всё же поверит?
Как его обмануть? Как себя не предать?
Там спасенье моё — за закрытою дверью.
Там подружки. Ему уж меня не достать.

...Вот он, резкий, короткий свисток паровоза.
Это наш эшелон отправляется в путь.

Значит, я спасена. Нет другого вопроса.
Мне бы только успеть, добежать как-нибудь.

Мы бежим. Я упала. Осталось немножко.
Ногу в кровь содрала, но не чувствую боль.
Удалось заскочить на последней подножке.
И — о ужас! — опять слышу рык над собой:

«Ну, давай!» — Не ждала я такого вопроса.
Но со злобою он смотрит снова в упор.
«Если он прикоснётся — стащу под колёса
И его, и себя. Лучше смерть, чем позор».

И такая решимость во мне пробудилась,
О какой и подумать порой не могла.
Неужель для него я родилась, училась,
Для него по дорогам военным прошла?

Поезд шёл — но пока ещё тихо, не скоро.
Вдруг замедлился ход. Кто его задержал?
На подъём ли пошёл? Или у семафора?
Но состав содрогнулся, споткнулся и стал.

Пулей прыгаю вниз. И бегу что есть мочи.
Впереди огонёк на вагонной двери —
То спаситель-маяк мне горит среди ночи!
На подножку — рывком! Наконец я — внутри...

...Шёл в Москву эшелон. Мы живыми вернулись.
Мы с победой пришли. Ликовали сердца.
К счастью, нас не нашли ни снаряды, ни пули,
Долг солдатский и честь мы несли до конца.

Мы — в Москве. Толчая. И вот слышу я: кто-то
Вдруг окликнул меня, прикоснулся к плечу.
Обернулась и глянула вполоборота.
«Подожди, я с тобой объясниться хочу!»

...Это он. Снова скромный, притихший, красивый,
Извиненья просил. Руку мне предлагал.
Мол, не видел девчонки упрямой, спесивей.
И на Волгу, на родину к матери, звал.

Был он свежепобритый и в форменке чистой.
С детских лет восхищали меня моряки.

«Ты бандит, ты насильник, ты хуже фашиста!
И не надо мне сердца твоего, ни руки».

Годы, годы прошли. По морям-океанам
Может, шёл он, и жизнь у него удалась.
Может быть, покорил чужеземные страны,
Но девчонка под Вязьмой ему не сдалась».

Дама смолкла и встала у ночного окна.
За окном проплывала величаво луна.
Повернулась к девице: «Это вам не в упрёк.
Может, где-то сгодится мой невольный урок».

2009

К ОБЕЛИСКУ

Шагают к обелиску ветераны,
Звенят, блестят медали, ордена,
Стараются не портить шаг чеканный,
Хоть ноют ноги и болит спина.

Идут под марш. А память мчится в дали,
В те грозные, горькие года,
Когда впервые в строй солдатский встали,
Как отступали... Брали города.

Где на кровавых фронтовых дорогах
Могилы братские, как вехи битв, легли.
И как теперь осталось уж немного
Из тех, что тяжкий этот путь прошли.

А рядом — внуки, правнуки с цветами,
Флажками машут и кричат: «Ура!»
Пусть их не обожжёт военный пламень.
Мы счастья вам желаем, детвора!

...На обелиске на века застыли:
Солдат в походной форме полевой,
Рабочий — он из тех, что хлеб растили,
Ковали меч для армии родной,

А в середине — мать, основа жизни,
С чуть скорбно наклонённой головой.
Она в те годы отдала Отчизне
Любовь свою, кровинку, свой покой.

Как ты такую ношу выносила?
Как не сломилась под такой бедой?
Пахала, сеяла, детей растила
И ничего у Бога не просила,
Лишь только б он, родной, пришёл живой.

...За обелиском гладь реки сверкает,
Высокий берег виден вдалеке.
И воробей-шалун, весну встречая,
Чирикает о чём-то на песке.

А рядом, как в почётном карауле,
Четыре ели строгие стоят.
И ни снега, метели и ни пули
Не сгубят малахитовый наряд.

Идут чеканно строгие колонны,
Кладут гирлянды, яркие цветы,
Шумят под ветром алые знамёна.
И голуби садятся с высоты.

Как будто это тех, погибших, души
Слетелись из далёка-далека,
Чтобы потомков посмотреть, послушать
И улететь опять за облака.

Здесь вечность с юностью роднятся год за годом.
Здесь познаётся мудрости секрет
О том, как величава Мать-природа,
Что ничего дороже жизни нет.

10 мая 2006 года, г. Резж

ВОЗДУХ РОДИНЫ

Как дышишь ты — того не замечаешь.
Но если дышишь — значит, ты живёшь.
Так — воздух Родины: его не ощущаешь,
Но ты его всегда в себе несёшь.

В нём запах трав, что ты косил когда-то,
Он в памяти плывёт издалека,
Настоянный черёмухой и мятой
И струями парного молока.

Его мы принимаем с первым вдохом
И с первым в жизни солнечным лучом,
Его не разделить, не взять по крохам,
И он не продаётся нипочём.

Он вечный дар, и с ним нельзя расстаться.
Так мир без Солнца канет в темноту.
Нам воздухом родным не надышаться.
Бережь его святую чистоту.

Январь 2008

КТО МЫ?

Кто мы? Зачем на Землю мы пришли?
Кто нам определяет путь-дорогу?
А может, в звёздном небе корабли
Давно нас ищут, а найти не могут?

Откуда у нанайцев плоский нос,
А у монголов глазки, словно щёлки?
Вопрос, вопрос. Мучительный вопрос.
Искать ответ — в стогу искать иголки.

Японец жёлтый. Знать, покрашен хной.
А рядом негр — ну впрямь из шоколада.
Норвежец словно пенною волной
Обелен — даже мыть его не надо.

А у армян — орлиные носы,
А волосы у негров — завитые.
От льдов полярных или от росы
Глаза у северянок — голубые.

Кто Библию задумал, написал?
Чьи в жизни выполняем мы заданья?
Кто судьбы человечьи предсказал?
И почему сбылись те предсказанья?

И может быть, совсем не обезьян —
Мы жителей с других планет потомки.
И где-то в далях звёздный океан
Разносит пра-пра-Родины обломки.

2007

МУЗЫКА

Года над музыкой не властны.
Она, как первая любовь,
Звучит то трепетно, то страстно,
Волнуя и тревожа кровь.

В ней зимней вьюги завыванье,
Бурлацкой песни гневный стон,
И ожидание свиданья,
Ручьёв весенних перезвон.

Она звучит у колыбели,
Звучит у смертного одра.
То соловьиной нежной трелью,
То величава и бодра.

Творец ушел. А песни всюду
Звучат и радуют сердца.
А если песни петься будут,
То, значит, жизни нет конца.

2006

ПАЛЮШКА

Говорят, когда-то там беда прошла,
Опалила леса пышную опушку.
А молва людская горку нарекла
И зовёт доселе ласково: «Палюшка» *

Утречком раненько, летнею порой,
Захватив из дома банку или кружку,
По росе, босые, с ближней детворой
Мы бежали дружно на свою Палюшку.

И шумел приветно, и аукал лес,
Разом просыпаясь от ребячьих криков.
На Палюшке буйно (чудо из чудес!)
Наливалась соком сладость-земляника.

Мама нам выносит кринку молока.
Прямо из подполья. Наливает в плошки.
Щедро насыпает мамина рука
Ягоды. Сметанки, сахара — немножко.

---

* Палюшка — от слова «пал».

И хлебаешь эту ягод вкусноту
Ложкой деревянной, ложкой расписною.
Словно добавляешь к вкусу красоту,
Приправляя свежей коркою ржаною.

Где была Палюшка — рвутся до небес,
Вширь растут дома-многоэтажки, магазины,
А за ними дальше зеленеет лес,
Мне напоминая детские картины.

Я в бору соседнем прохожу в надежде:
Может, загорятся где-то под кустом
Ягодки-землянки. И опять, как прежде,
Мне вернут Палюшку, детство, маму, дом.

12.07.2007

БОРИСЬ...

Не раскисай, не хнычь, не ной,
Хоть очень трудно,
И мысли чёрные порой
Гнетут подспудно...

Опять известие пришло,
Уходят други.
Всё тяжелей держать весло,
Слабеют руки.

И лодку на скалу несёт
Крутым потоком.
А ты борись, чтоб Жизнь ещё
Продлить немного.

В КУРОРТНОМ КЛУБЕ

В курортном клубе — маленький концерт.
Артисты — сами те, кто отдыхает.
Нашлись и музыканты, и оркестр
Весёлые мелодии играет.
Мужчина прочитал свои стихи.
Две бабушки частушки распевали.
Два парня вышли, словно петухи,
И танец шуточный задорно станцевали.
Вдруг вышла дама: «Я романс спою».

И так красиво, вдохновенно спела,
Как будто пела про любовь свою,
Которую дожидаться не сумела.
Все слушали. Погас последний звук.
У многих на глазах блестели слезы.
А у дверей, как в сказке, вырос вдруг
Какой-то «принц» и преподнёс ей розу.
Кто он, где жил и как он отдыхал,
Она не знала, а купалась, загорала.
Но в день прощальный снова в клубный зал
Всех отдохавших музыка собрала.
И вновь звучал есенинский романс.
Его та дама пела по запросу.
И вновь мужчина тот, как в первый раз,
Вручил певице трепетную розу.
А дама скромно поклонилась залу
И, подойдя к мужчине, вдруг сказала:
«Ну а теперь я поцелую вас!
И это в первый и последний раз».

1972

ЧУДЕСА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРИРОДЫ

Ветку стройной сосны
обвивает лоза винограда.
Рядом тут же дубочек
припал головой.
А напротив — берёзка,
великой России отрада.
И осинка-трусиха
с дрожащей листвой.
А багульник на сопках
лилово огнями пылает.
Спорит лотос красою
с восходом зари.
Корнем жизни — женьшенем
тайга нам здоровья желает.
Где-то тигр по распадку
тропинку торит.
Величавый Амур — сын любви —
к океану стремится,
Собирая и реки, и ливни
в могучий поток.

Как тебя не любить, не беречь,
как тобой не гордиться,
И богатый, и щедрый,
мой Дальний Восток!

2009

«ПРИОЗЁРЬЕ»

Здесь не похвастаешься морем,
Ни красотой высоких скал.
Но зори, зори в «Приозёрье»
Превыше всяческих похвал.

Когда сияньем ярких радуг
Горит закатный небосклон,
Такой восторг в душе и радость,
Как будто заново рождён.

Березы, сосны-великаны,
С могучей кроной тополя...
Как видно, предок неустанно
Здесь украшал тебя, Земля.

А гладь озёрная, как море,
Своим величьем манит взор.
Для рыболова тут раздолье,
А для мечтателя — простор.

Чтоб отдыхать в пансионате,
Не надо ехать за моря.
Твой отдых наш собес оплатит,
С душою лечат доктора.

А повара... Что день, то чудо,
Полезно-вкусная еда.
Пусть не изысканные блюда,
Но что-то новое всегда.

Быть может, кто-то станет спорить,
Что есть заморские места.
Но это — наше «Приозёрье»,
Родная наша красота.

1 октября 2006 года